

ГОРЯЧАЯ
ЛИНИЯ

Иван Новоженков отрывается на галстуках и на создании реальности

НЕРВЖИЗНИ

Художнику Ивану Новоженкову «всегда хотелось быть вождем». При этом на «вы» с ним быть попросту невозможно. По возрасту относится к «семидесятникам» — устроителям квартирных выставок и художественно-оппозиционного подвала на Малой Грузинской. По состоянию сознания никуда не относится: не любит своих коллег (почти как воинствующий ретроград) и любит журналистов (как продвинутый концептуал).

Сколько Шекспиров погубило!

— Я актуальный художник. И скажу, почему. Мы с одной из моих моделей (прогрессивная девушка, мисс Шестой канал) пошли в музей современного искусства на Петровке (Церетели). Она встала, как ребенок в магазине, которого родители затащили покупать свои взрослые шмотки. Потом подошла: «Пойдем, что ли?» — «Подожди, здесь все картины друзей висят». А она мне языком Бивиса и Бат-Хэда: «Отстой». И эдак она меня мучила залов пять. Или я ее. Наконец мы дошли до Миро и Пикассо: «Прикольно. Стильно».

— А она смотрела на подписи или на работы?

— Не надо, она историю искусств не учила. «А почему ты на мои картины нормально реагируешь?» Она задумалась. И вдруг до нее дошло, что я тоже пишу картины! Для нее они были реальной жизнью вроде глянцевого журнала, ночных клубов...

Двадцатый век начался с того, что художники начали ломать старое. Всего было так много, что ломать было не жалко. Потом принялись дробить кирпичи и их осколки. Теперь ждут дождя, чтобы песок слипся и из него можно было снова лепить. Для меня важно было заново писать с натуры. То есть делать то, на что в поставангарде наложено табу. Но из старой

живописи мои работы не могли бы появиться. Они появились из Интернета, из черно-белой фотографии, из тотального действия, которое задолбало меня новостями. Я нашел новый смысл в том, чтобы писать картину в «современном культурном контексте». Через слои краски начинает просвечивать вечность, которой ты сам не знаешь.

— Но чисто физически живопись смертна.

— Ой! Из ста тысяч древнегреческих авторов до нас целиком дошло много? Сколько Шекспиров погубило! Это вообще не есть принцип — сохранность произведения. Оттого, что я напишу картину, ни взрывы, ни землетрясения не исчезнут.

В момент взрыва на Пушкинской я был на чужом вернисаже. Молчал, смотрел на холст, думал: а зачем он красил эти поверхности?

— Ты боишься темы смерти?

— Если кто-нибудь скажет, что его не пугает смерть, он будет лжец. Я три раза был за пределом, видел свое тело. По крайней мере, мне умирать будет не так стремно. Я с некоторыми разговаривал — с перелетавшими «за грань». Господи,

чем люди только не занимаются в «умершем» состоянии! Один за сыном пошел подглядывать. Он и ожил-то только потому, что сына увидел: как так — его батя умирать, а этот гад там на женщине! Он закашлял, выхаркал целый таз крови — и выжил. Прожить жизнь, чтобы умерев, подглядывать за родными! «Она нужна тебе, эта жизнь?» — спрашиваю. — «А то!»

Как не ударить лицом в салат

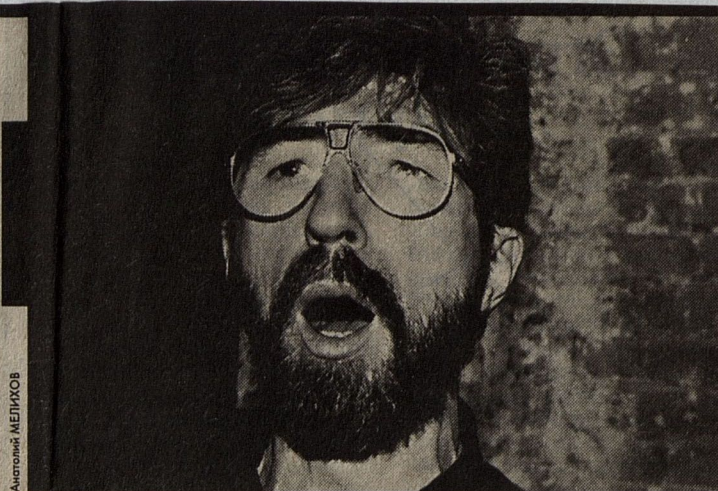
— Со сверстниками-художниками я почти не вожусь. Вожусь с журналистами, с музыкантами, с фотографами, с продюсерами, с рекламщиками, с банкирами. Они действуют в тех областях, через которые проходит нерв жизни.

— А через коллег нерв жизни не проходит?

— Не-а. Мы с двумя барышнями однажды приехали на презентацию одной очень солидной коллекции. Официальная часть кончилась, остались художники и, конечно (прости за слово «конечно»), нажрались на халаву. Одна из девушек спросила: «А что это за пьяные бомжи тебя лапают?» Она никогда не общалась с пьяными, она привыкла прилично себя вести в ресторанах и клубах, где никто не падает мордой в салат и у всех чистые волосы.

— Не подвергаешься ли ты опасности заразиться женской логикой?

— Ой, не говори! Однажды случился у меня по телефону великолепный диалог. Зачитываю. «Это Иван Новоженков?» — «Да». — «Это великий художник?» — «Да». — «А что вы пьете?» — «Сегодня ничего, у меня вечером съемки. А вы кто?» — «Неизвестная дама». — «Очень приятно». — «К вам можно в гости?» — «А как же!» — «А с собачкой можно?» — «Она большая?» — «Маленькая». — «Тогда мы ее отправим на чердак, пусть кормится голубями». — «Голубей едят кошки». — «А что ест ваша собачка?» — «Она питается мясом и французским кремом». — «Она его слизывает?» — «Да, слизывает». — «Какая порочная со-

бачка». — «Нет, как раз собачка и непорочная еще» — «Поэтому извращается как может?» — «Может быть. Так я приду? Ну все, я звоню в девять».

— Ты не пробовал всерьез заняться литературой?

— Я вообще-то всерьез и пишу, но нужна параллельная жизнь.

— Нет ностальгии по «семидесятиничеству»?

— Уй! Все эти рассказы о том, как морили, травили... Да займись ты делом — сейчас, здесь, сегодня!

— Что тебя может заинтересовать сейчас и сегодня?

— Русские женщины, швейцарские часы, итальянские автомобили и персидские ковры.

— Ясно: дорогие магазины, хорошие галстуки...

— У тебя отсталое представление о галстуках! Если галстук — значит, его носит такой конкретный чувак, да? И потом, в живописи от цвета я давно отказался. Могу я оторваться хоть на галстуках?

— А пионерские галстуки носил?

— Когда был маленький, был влюблен в Сталина. Как все дети той «великой эпохи». И когда я у бабушки спрашивал: «Ба, ты любишь Сталина?», — она поджимала губы. Она родилась при царе. В подсознании бабушкино безразличное молчание, видно, осталось, и в пятнадцать лет я в комсомол вступать отказался. И в армии не стал комсомольцем. После Строгановки, проработав два месяца (правда, в первый же месяц получил две с половиной тысячи рублей), уволился и по сей день ни на какие работы не хожу.

Чего хочет тело

— Я не охотник, не рыбак и не картежник. Думал, что вообще не азартен. Но попал в казино с компанией и очень уверенно сказал: «Пойдем отни-

мем у них деньги». Конечно, сделал из этого шоу. «Значит, вон та штучка — она крутится, да? Я по телевизору видел. Значит, красненькие выигрывают — черненькие проигрывают?» Выиграл три раза. В кассе вместе с выигрышем мне возвращают игровые фишки. «Это что?» — «Играйте дальше». — «На иглу хотите посадить? Не выйдет. Люди, пошли в кабак». И когда мы выходили, я почувствовал: вот здесь, под ребрами, иголочками — волна: теплая, сладкая... Азарт — это, оказывается, физиологическое чувство! Тело требует!

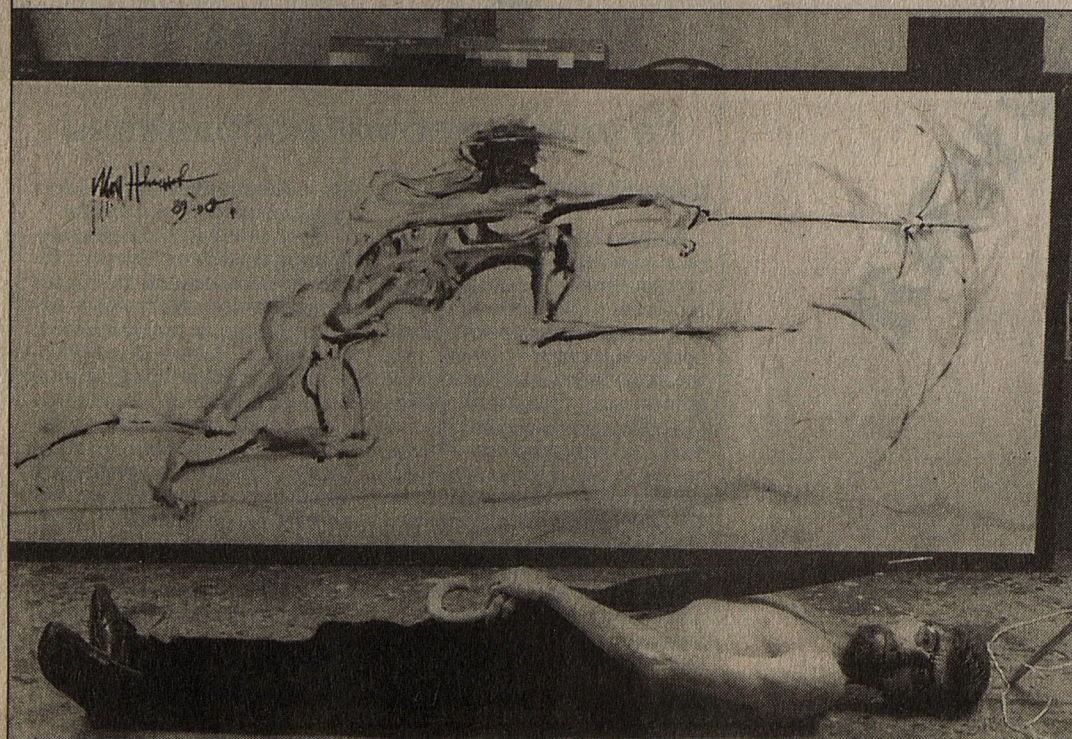
— Тело — подстрекатель?

— Нам нужно вспомнить, что мы любим.

Вот пожилая женщина рассказала, как девочкой отправила в газету стихи. Ей прислали гонорар — червонец. Пришел почтальон и вместо того, чтобы выплатить деньги, вычел ту же десятку из семейного бюджета: что-то там перепутали на почте. Мать девочку выдрала как сидорову козу (большая семья жила на пятьдесят рублей). Больше девочка стихов не писала. И больше в жизни ничего не было! Вот ведь класс!

— Ну, ужас. Но у каждого своя роль. Ужас — что люди скорбеть не умеют. Я сам переживал смерть папы так, что почувствовал на себе все симптомы его болезни. Помню, как хоронили одного известного художника и как убивались мама, жена: прости нас... Потом батюшка начал читать «Прости его, грешного...» — и все стало на свои места. А мы все перекладываем друг на друга боль, перекладываем...

Понимаешь, большая часть нашего шума — попытка замаскироваться от настоящей реальности. Мы ведь как только соберемся: «А вот у меня был случай!..» Да то, что мы все здесь сидим и создаем реальность, — и есть тот самый знаменитый «Случай! Стоит сказать: «Вот помнишь!..» — все, хана этому миру.

Иван Новоженков

31.8.2000

Новоженков Иван